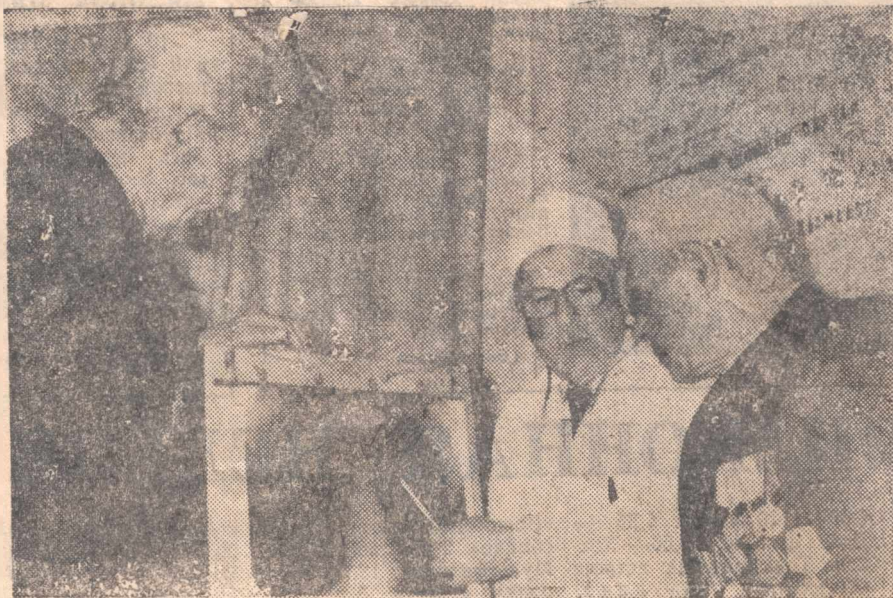
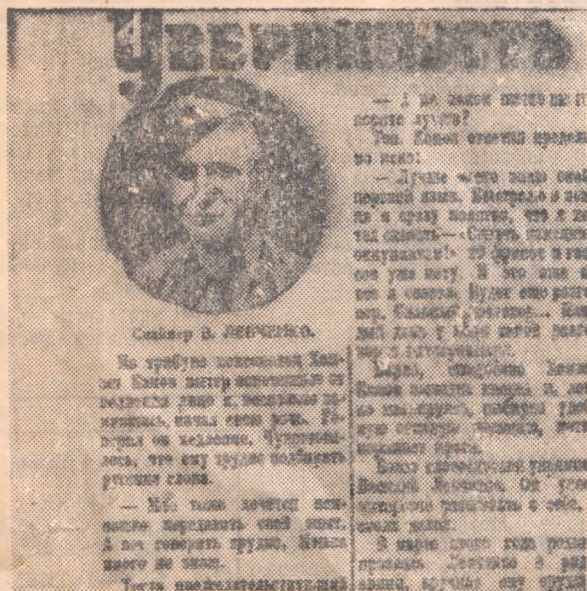

О ИЗ ПОЧТЫ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»

С ОСКОЛКОМ У СЕРДЦА

У моего внука есть домашний музей, который он называет деловым, на полке в шкафу складывает мои находки — «трофеи», привезенные со встреч ветеранов, подобранные на бывших полях боев у Миуса. Ржавые пули, позеленевшие гильзы, осколки, ручки гранат. В музее — книжки, статьи из газеты «Звезда» с рассказами о боевых друзьях, их фотографии. Недавно передал внуку на хранение еще одну реликвию — рентгеновскую со снимком грудной клетки. На темном фоне ее — маленький, почти с копейку, светлый кружок. Это, как говорят врачи, инородное тело. Надпись, сделанная сверху рентгенологом, гласит, что это снимок груди Хамзета Лялюевича Капова, жителя черкесского аула Старокубинский.

Комсомольцы, следопыты из села Рясное, прочитав эти строчки, могут спросить: уж не о том ли Капове веду речь, которого они знают как отважного снайпера, сражавшегося с фашистами на их родной земле? Да, мой рассказ о нем. Капов был бойцом роты автоматчиков 1137 стрелкового полка. Он отлично стрелял. Во время обороны Ряснянской каменоломни Капов сразил 29 гитлеровцев. Ряснянские следопыты до сих пор сохраняют на старых окопах дерево, служившее некогда ему укрытием при «охоте» на оккупантов. Но Капов ценился в полку не только снайперским ис-

кусством. Пожалуй, ни одна разведка в полосу полка не проводилась без его участия. Разведчики охотно брали его в свои поиски за «языками». Знали: боец надежный, не оставит в беде. Помню разведку под Ряженым. Ее возглавлял сам комбат Нил Зайцев. У немецких блиндажей его ранило. Капов вынес Зайцева из-под огня, переправил через Миус, доставил на КП батальона.

Сам погибай, а товарища выручай — этот святой воинский закон, казалось, был в крови Капова — горца. В сложной обстановке я старался держать его поближе. Так было и в июле, когда немцы перешли в наступление, и нам пришлось оставить позиции под Рясным. Капов был при мне связным.

На рассвете 20 июля рота окопалась на склоне балки восточнее Политотдельского. Утро заималось в громе боя. Стаи «Юнкерсов» бомбили дорогу на Ростов. Перед нами в степи появились танки противника. Откуда — то слева по ним била наша батарея. Куда пойдут танки? На роту или правее? Кручу телефон, пытаюсь связаться с артиллеристами. Неожиданно на меня навалился Капов. Сдавил плечи, прижал к стенке окопа. В то же мгновение над окопом с ревом пронесся «Мессершмитт», и рядом грохнул разрыв. Пальцы Капова разжались.

Занятый танками, я не заметил, как с востока, из

под яркого солнца появился этот «мессер». Летел низко, вдоль балки, перепачкывая ее склоны малокалиберными снарядами и пулями. Но стервятника увидел Капов. После пролета «мессера» Капов сразу как-то обмяк. Я легонько свалил его с себя. Белая от соленого пота, гимнастерка связанного набухла алыми разводами. Кровь сочилась с шеи, груди, голени. Наскоро переязал своим пакетом. Но как быть дальше? Коварный «мессер» натворил много бед. Четверо раненых потонули в тылу. Капов же недвижен, он терял сознание. Такого отправлять впереди на носилках, а их не было. На шинели далеко ли протянешь? Два танка, отделившись от других, ползут, между тем, к нашей балке.

Тут подоспел случай. Девушка пролегал проселок, по которому в сторону Ростова мчалась артиллерийская упряжка с зарядным ящиком. Видно, выходила из боя. Я метнулся к дороге, ухватил за узды лошадей.

— Стой! Забрать раненого!

Ездовым подчинился. Капова перенесли к упряжке. Он не мог сидеть. Тогда положили на зарядный ящик, прикрутили веревками. Ездовый взмахнул кнутом, и упряжка понеслась к Ростову по дороге, клубившейся в разрывах бомб.

После войны я долго разыскивал своего побратима. Написал о нем в черкесскую областную газету. Велика

была моя радость, когда в ответ получил коротенькое письмо от самого Хамзета Лялюевича. Он выжил, трудился механизатором в родном ауле. Встретились же мы на одном из праздников Победы в Матвеевом Кургане, где в войну свела нас судьба. Хамзет Лялюевич рассказал, что после ранения в ампутационной балке оказался в Бакинском госпитале. Раны заживали трудно, а он стремился скорее вернуться на фронт. Перед выпиской из госпиталя его просветили на рентгене «В легких нашли какой-то белый кружок, — вспоминал Хамзет, — предлагали операцию, да я отказался, подумал и так проживу, расчесается кружок. И вот живу. На здоровье особо не жалуюсь. Только сердце, бывает, побаливает. Вдруг колет что-то. Как сейчас». И он погладил, массируя, левую часть груди.

Позднее мы встречались много раз. В его родном ауле, в Рясном, на старых наших окопах, у пионеров Комбайновской школы. И всякий раз, разволновавшись, он прикладывал руку к сердцу.

Пынке я лечился на курорте Горячий Ключ. Это недалеко от Черкессии, от аула, где живет Хамзет. Он приехал ко мне повидаться. Ночи напролет мы не смыкали глаз, засыпая друг друга вопросами: «А ты помнишь?» Там, в горах Кавказа, в уютной санаторной комнате, мы вспоминали фронтовую Матвееву Курган, огненную долину Миуса, Волкову гору, которую штурмовали 8 марта, кровавую ряснянскую каменоломню и ту балку. Опять мой собеседник коснулся груди: — Курить бросил, а на сердце что-то находит.

Я подумал: в сердце ли причина тому? Повел Капова в санаторную поликлини-

ку. Там сделали рентген. И вот еще влажная пленка. На ней в легком около сердца четко светлел кружок, какой показывали Капову при просвечивании в госпитале в сорок втором. Не «рассосался» он, не «растаял», как надеялся Капов. То был непроницаемый для рентгеновских лучей железный осколок. С ним Хамзет живет уже более сорока шести лет.

Я попросил у врача эту пленку. На память. Ее и передал на хранение внуку. Ведь кусок немецкого железа, который носит в себе Капов, военной судьбой предназначался мне. Боец черкес прикрыл меня, русского командира. До сих пор помню его цепкие, сильные руки, придавившие к стенке окопа, и то, как они разжались после взрыва. Я не остался перед ним в долгу. Сейчас встречаемся с чистейшей совестью, честно смотрим друг другу в глаза.

Святая солдатская дружба. Она помогла нам выжить, повергнуть врага. Она самое дорогое наше наследие, которое оставляем детям и внукам.

А. ГОЛУЗОВ,
бывший командир роты автоматчиков 1137 стрелкового полка 339 стрелковой дивизии, капитан в отставке, участник боев на Миусе, член КПСС с 1943 года, персональный пенсионер.

На снимках: один из фронтовых материалов о снайперских делах Х. Л. Капова — его выступление на слете снайперов Южного фронта (фотокопия из газеты «За нашу Родину» за июнь 1942 года); врач Горячевской поликлиники Г. Б. Лебеденко (в центре) показывает Х. Л. Капову рентгеновскую с осколком в его груди. Слева — А. Голузов.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР